

3. Семья и проблемы молодежи

3. 1. Юноши и девушки в родительской семье

Большинство молодежи до 18 лет, как минимум, остается в родительской семье. В России обретение самостоятельности осложняется условиями социально-экономического кризиса. Если в США до 9/10 старшеклассников полагают для себя естественным подрабатывать (хотя лишь треть это на самом деле делает), то в РФ положение иное.

Подросткам не только трудно найти приемлемую, в отношении оплаты, работу. Обретение хотя бы частичной самостоятельности затрудняется, во-первых, сформированностью завышенных ожиданий, во-вторых, мощной традицией.

На ранних этапах советского общества проявлялась тенденция противопоставления подростков семье. Передовые пионеры должны были перевоспитывать отсталых родителей; во всяком случае, родительский авторитет никак не полагался безусловным. Однако и тогда разрушение родительского авторитета не означало обретения самостоятельности: власть предков заменялась властью организации. В дальнейшем, по мере пересмотра статуса семьи, наконец объявленной «ячейкой социалистического общества», экстремизм установок 20-х годов был смягчен, хотя Павлик Морозов не исчез из ряда героев, призванных служить примером. (Показательно в этом плане сравнение с эпизодом канонической легенды о Конфуции, в бытность судьей дважды решавшем сходные проблемы: в случае с юношей-дезертиром, покинувшим войско, чтобы навещать умирающего отца, и другим юношей, донесшим на отца за кражу. Конфуций оба раза принял решение в пользу авторитета семьи, а не государства. В СССР формировалась иная традиция). Установилось некоторое равновесие семейного и общественного воспитания, режим двойной опеки. Дисциплинарные практики в школе и молодежных организациях исключали инициативу подростков; не готовила их к самостоятельной жизни и семья, поскольку от молодого человека ожидалось, что он примет предписанную ему роль. Отсюда отсутствие развитых практик формирования дееспособности.

В числе изменений, затронувших современную семью, к наиболее значимым для социальной работы с молодежью относятся обесценивание статуса родительства, изменение структуры функций семьи, обновление системы сексуальных отношений.

Многодетность в современной России не престижна не только в силу общих для всех цивилизованных стран причин. Многодетные семьи (12 % по РФ) относятся к числу неблагополучных, среди них максимальная доля со среднедушевым доходом ниже прожиточного минимума. Уже на 1991 год, по данным опросов, планировали ограничиться одним ребенком 57,1 % семей, в то время как троих и более детей планировали лишь 1,9 %. Отметим, что планировать, конечно, легче (хотя в ряде случаев имеет место и обратное явление: в семье оказывается больше детей, чем рассчитывали первоначально родители; тем не менее, в обычной практике следует считать, что реальная рождаемость будет ниже планируемой). По данным

1994 года 24 % женщин 18-44 лет, еще не имевших детей, и не планировали вовсе их иметь; 41 % ориентировались на одного ребенка. Проективно реализация такой ориентации дает порядка 1,12 ребенка на семью, то есть картину суженого воспроизводства, в пространстве которой строится и прогноз ООН численности населения РФ на 2050 год: порядка 102,5-121,3 миллионов человек.

Данные соображения отнюдь не лежат в контексте типичных для отечественных демографов апокалиптических настроений. Приведенный уровень суженого воспроизводства человечество в целом, и Россия в частности, вполне могут себе позволить на протяжении 1,5-2 столетий без сокращения численности популяции ниже пределов, обозначающих границы ее жизнеспособности. Что касается измерений национального могущества численностью населения, то подобные концептуализации на уровне научной мысли середины XV столетия не нуждаются в обсуждении. Речь идет о другом. Установка на бездетную семью (в смысловом плане вбирающая в себя установку на семью однодетную) маркирует принципиальное изменение структуры семейных ценностей.

В ряде стран правительственные организации уже сегодня реагируют на эти изменения, проводя политику, предполагающую вынос репродуктивной функции из семьи (датская модель, возможно, наиболее продвинута в этом отношении, предполагая не только развитую систему пособий, но и комплекс мер по устранению дискриминации внебрачных детей). Что касается России, характер полемики, вызванной эпатажными высказываниями по данному вопросу В. В. Жириновского, говорит о том, насколько наша ситуация разнится от имеющей место в Северной Европе. Между тем, на первый взгляд, число мужчин и женщин, живущих совместно без регистрации брака (6,5 и 6,7 %), в РФ выше, нежели в европейских странах (даже Германия дает лишь 5 %, не говоря об Италии – 1%). Однако, смысл этих цифр различен.

До самого недавнего времени традиционная мораль в России была значительно устойчивее, требуя оформления сексуальных отношений. Этим определялась доминирующая практика ранних браков. В странах Запада брачные отношения оформляют значительно позже, естественно, не ведя до этого монашеской жизни – но добрачные связи не рассматриваются в качестве формы не зарегистрированной семейной жизни, а именно как случайные связи.

Стадиально ситуация в РФ сегодня близка, скорее, имевшей место в Европе и США на рубеже 60-х – 70-х годов, когда преодолевался кризис «сексуальной революции» и рождалось поколение детей «с ключом на шее», лишенных родительского внимания. Даже во второй половине 90-х годов по возрастам 15-19 лет доля внебрачных рождаемостей, стимулировавших брак, составляет почти половину, а в целом уровень внебрач-

ных рождаемостей, хотя и превысил показатели 50-х – 80-х, но не достиг рекордного уровня второй половины 40-х годов:

Подчеркнем, что наименьшая доля внебрачной рождаемости приходится на период середины 60-х – начала 80-х годов. Это сопряжено как с относительным благополучием большинства российских семей (в значительной мере за счет обеспечиваемых нефте-

долларами программ социальной поддержки), так и свойственным российскому обществу в этот период (как любому социуму в сходных обстоятельствах) «викторианским» стилем морали.

Однако, ситуация превалирования семейного воспитания не означает автоматически благополучия в отношении качества жизни молодого поколения. Естественно, мы не располагаем данными касательно падения престижа родительства в советский период (в силу понятных идеологических причин), но есть достаточные основания полагать кризис, ставший очевидным в 90-е годы, имеющим предысторию. Относительное благополучие средней советской семьи покупалось, в числе прочего, и отказом от многодетности. Само по себе это вполне естественно для индустриальных стран. Однако, переход от многодетной семьи к малодетной крайне болезнен. Он предполагает радикальное изменение системы ценностей, отход от традиционной модели, в которой связь поколений имела естественную основу, а статус члена семьи обуславливался просто принадлежностью к ней по кровному родству и предполагал определенные ролевые отношения.

Нуклеарная семья индустриального общества не просто становится меньше, чем большая семья традиционных обществ, у нее иные функции, иная структура. В ней должна сформироваться новая система ролей, переход к которой естественно предполагает период реконструкции норм, возможность аномии. Именно такое положение вещей свидетельствуется эскалацией внутрисемейного насилия.

При этом нет оснований полагать, что жестокое обращение с детьми не имело места в традиционном обществе и возникло в индустриальную эпоху. Напротив, воспитательные программы традиционного общества в значительно большей степени были основаны на насилии; жестокость по отношению к зависимым членам семьи, прежде всего, детям, со стороны ее главы (чаще всего, отца), была нормой. Но современное общество формирует совершенно иную систему ожиданий в отношении обращения с детьми и подростками в семье; более того, это обращение приобрело публич-

ный характер в смысле ожидаемости вмешательств со стороны микро- и макросреды. Античная Греция кануна века Перикла восхищалась Солоном всего-навсего потому, что он провел закон, запрещающий родителям убивать и продавать в рабство детей. Европейские общества XV111-X1X веков, кажется, не нуждались в принятии подобных специальных законов, но в отношении уровня зависимости детей от родителей не так далеко ушли от античной Греции. Молодежный бунт, от эпохи футуристов до баррикад 1968 года, в основе своей имеет порожденный этой зависимостью протест.

На фоне полутора столетий феминистского движения и борьбы за права ребенка общество, наконец, научилось замечать семейное насилие (естественно, в немалой степени продвинувшись при этом к другой крайности, содержание которой в недавнем прошлом России определял лозунг «дети – привилегированный класс»).

Принято выделять *физическое насилие* (побои, нанесение телесных повреждений, ограничение передвижения, силовое понуждение к тем или иным действиям), *психологическое* (оскорбления, угрозы, изоляция), и *сексуальное*. На практике первые два вида, как правило, совмещаются, и разделять в анализе их не всегда можно и нужно. Ситуации в семьях юношей и девушек могут быть весьма индивидуальны, и задачи социального работника во многом связаны с определением границ действительно имевшего место насилия, далеко не всегда легко вычленимых законодательством.

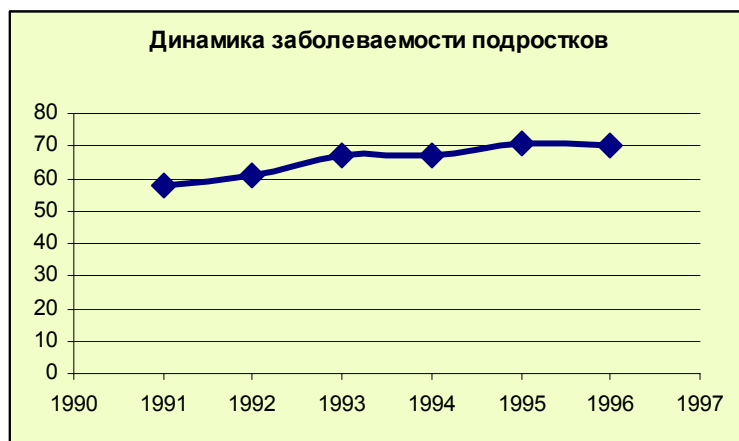
Несовершеннолетние, с одной стороны, не могут рассматриваться в качестве равноправных агентов социального взаимодействия, поскольку общество признает право и обязанность их родителей (или замещающих родителей лиц) на опеку и воспитание.

С позиций юноши или девушки в их *данном состоянии* воздействие, имеющее целью изменить его (ее) ценности, установки, намерения – насилие. Однако, если мы все подобные ситуации будем расценивать как насилие, социализация окажется невозможной. Но, с другой стороны, социализующему воздействию должны быть положены некоторые пределы (что, кстати, признавалось обычным правом и законодательством даже в традиционных обществах, не ступивших на путь эмансипации).

Важно подчеркнуть, что эти соображения имеют самое прямое отношение к проблеме семейного насилия, которое никак нельзя сводить к криминальным ситуациям. Грань между заботой и насилием часто бывает едва различимой, но социальный работник различать ее обязан.

Вместе с тем, и прямое насилие, в формах, подпадающих под статьи соответствующих законов, совершается в четверти российских семей. Половине всех преступлений, связанных с бытовыми мотивами, предшествуют длительные семейные конфликты, часто фиксируемые окружающей средой на неформальном и даже формальном уровне, но не становящиеся поводом для вмешательства. Ежегодно (по оценочным данным) подверга-

ется избитию более 2 миллионов детей и подростков, порядка двух тысяч из которых, будучи доведены до крайности, совершают суицидальные попытки. В течение года более 50 тысяч детей и подростков уходят из дома, и значительная часть подобных случаев связана не с особенностями их развития, а именно с семейным насилием⁶².

Дисфункция роли семьи в становлении молодого поколения порождает комплекс негативных последствий. Интенсивно прогрессирует тенденция ухудшения состояния здоровья юношества.

Рост за первую половину 90-х годов уровня заболеваемости составил более 20 %. На сегодняшний день здоровыми можно считать лишь четверть юношей и девушек. Ситуация дополнительно осложняется сужением возможностей общества по ее коррекции. За 90-е годы объемы услуг в женских консультациях упали в 2,5 раза, а ввод в действие детских лечебных учреждений в 18 раз. Однако эти обстоятельства могут играть решающую роль лишь на фоне кризиса семьи.

Неблагоприятное положение в родительских семьях, наряду с другими последствиями, провоцирует и закрепление установки на ранние браки. Молодые люди (прежде всего, девушки), формируют иллюзии возможности радикального улучшения жизненных условий посредством установления брачных отношений, а часто просто готовы сменить родительскую семью на что угодно. В результате к 25 годам (когда в цивилизованных странах молодые люди только начинают поиск серьезных брачных партнеров), 80 % россиянок уже состояли, хотя бы один раз, в браке, а 60 % уже реализовали свои планы относительно рождения детей; половина всех невест в возрасте до 20 лет бывают беременны до свадьбы. Естественно, результатом такой стратегии становится создание непрочных, несбалансированных семей, смена одной зависимости на другую, серьезные трудности в воспитании детей и установлении супружеских отношений.

В связи с этим молодые люди остаются под родительской опекой зачастую не только до завершения образования и заключения брака, но и после. Однако, с особым грузом проблем связана жизнь в родительской семье именно юношей и девушек 14-18 лет; становясь старше, и родители, и дети приучаются легче решать конфликтные ситуации.

⁶² Поленина В. А. Реализация конституционного принципа равенства полов // Государство и право. 1998. № 6. С. 28-29.

Абсолютное большинство конфликтов в семье между детьми и родителями не связано с какими-либо разногласиями по поводу базовых политических, религиозных, экономических ценностей. Противоречия возникают в связи с разностью суждений о внешнем виде молодых людей, их режиме дня, взаимоотношениях со сверстниками. Для США такое положение вещей засвидетельствовано репрезентативными исследованиями⁶³.

В России подобных исследований не проводилось, но имеющиеся материалы, как полученные в исследованиях по смежным тематикам, так и извлекаемые из практик социальных служб, говорят о том, что имеют место аналогичные процессы. Есть основания полагать, что уровень идеологизации *конфликтов* здесь еще ниже, в силу общей меньшей авторитетности родителей и их растерянности в отношении определения собственной позиции по подобным вопросам.

Отношения родителей и детей имеют отчетливую *гендерную специфику*. Отцы, как правило, склонны выше оценивать интеллектуальный потенциал детей, но оценка эта более априорна, поскольку плотность общения детей с отцами существенно ниже, нежели с матерями. Значима и разница «профилирования» отношений: матери вынуждены больше заниматься выяснением с детьми содержания их домашних обязанностей, контролем учебы, поддержанием дисциплины⁶⁴. Статус мужчин подразумевает передачу такого рода обязанностей женщинам, хотя российские отцы в малой мере претендуют на роль кормильцев. В силу этого, отношения между матерью и детьми отличаются более высокой эмоциональной напряженностью.

Эти обстоятельства следует учитывать в постановке социальной работы. Очевидно, в меньшей степени стоит ожидать от отцов подробностей относительно психических состояний юношей и девушек, а от матерей – объективной, нейтральной оценки их поведения, способностей, ориентаций.

Базируясь на принятых в социологии, начиная от М. Вебера, концептуализациях стиля власти, Д. Боумринд выделяет три *стиля родительского поведения*: авторитарный, либеральный, авторитетный⁶⁵.

В первом случае (**авторитарный стиль**) речь идет о полном подавлении инициативы юношей и девушек. Родители озабочены не столько воспитанием, сколько решением сугубо прагматических задач (исключить ситуации включения детей в «плохую компанию», приобщения к «запретным удовольствиям», наконец, просто устранить возможность замечаний со стороны окружающих, или обеспечить помощь по дому), или понимают

⁶³ Hill J. P. Research on adolescents and their families past and present // *New Directions for Child Development*. 1987. №37. P. 13-32.

⁶⁴ Hauser S. T., Book B. K., Houlihan J., Powers S. Sex differences within the family // *Journal of Youth and Adolescence*. 1987. № 16. P. 199-220.

⁶⁵ Baumrind D. The influence of parenting style on adolescent competence and substance use // *Journal of Early Adolescence*. 1991. № 11. P. 56-95.

воспитание как диктат. «Прагматики» иногда внешне добиваются гармонии в семье, и, как ни странно, хорошей адаптивности детей – но последнее лишь в случае достаточной сформированности характера последних уже в раннем возрасте. Во всяком случае, адаптивность здесь не результат стиля родительского поведения как такового. Стиль выступает просто возможным дополнительным условием, не мешающим процессу саморазвития, но не определяющим его. Диктат, кстати, тоже не обязательно приводит к формированию зависимости, базальной тревожности, в сочетании с агрессивностью и безответственностью; он лишь, как правило, дает такие результаты. Авторитарный родительский стиль дает основания для предположения о возможной проблематичности развития личности молодого человека в семье.

Либеральный стиль предполагает переоценку родителями самостоятельности детей. По существу, они просто в той или иной степени освобождают себя от обязанностей по воспитанию. Этот стиль также не обязательно приводит к формированию личности со слабым развитием самоконтроля, расположенной к пренебрежению нормами и правилами. Однако, в большинстве случаев он дает именно такие результаты, и исключения из общего правила, опять-таки, есть не позитивный результат стиля, а следствие развития, определенного иными факторами, для которого невмешательство родителей просто создало благоприятные условия.

Авторитетный стиль предполагает, с одной стороны, доверие и уважение к личности подростка, с другой – понимание родителями, что на них лежит ответственность за правильное формирование личностных качеств их детей. Авторитетная власть не может быть основана на насилии, она предполагает компетентность родителей в важных для детей вопросах, умение ставить и решать жизненные проблемы. Как правило, результатом оказывается нормальное развитие социальных качеств и личностных свойств молодого человека.

Существенным образом на формировании юношей и девушек в семье могут сказываться *практики исключения*, возникающие в случае супружеских конфликтов, особенно при вовлечении в них детей. «Исключенный» родитель перестает быть агентом социализации, его потенциальный авторитет утрачивается и не может быть использован в воспитании. Разумеется, сходная ситуация может возникать и в неполных семьях. Однако физическое отсутствие одного из родителей оказывает меньшее травмирующее воздействие, нежели отсутствие социальное. Точно так же фактическое неучастие в воспитании одного из супругов, если оно есть результат их соглашения, может не сказываться негативно. Более того, «скрытый» авторитет отсутствующего в этом случае может использоваться вторым супругом очень эффективно (классический пример – хрестоматийная фраза: «вот расскажу папе!»), сама по себе оказывающая воздействие много более мощное, чем если бы отец лично вмешался в ситуацию).

Принято выделять три *функции семьи*, имеющие выраженный воспитательный эффект: интеграция, адаптивность, коммуникация⁶⁶. Семья удовлетворяет потребность в ощущении сплоченности, защищенности. Она продуцирует механизмы адаптации к различным социальным ситуациям и дает возможность их апробации. В ней удовлетворяется потребность в общении на разных уровнях. Недоразвитие, или напротив, гиперразвитие любой из этих функций может иметь негативный эффект.

Слишком сплоченная семья «не выпускает» молодого человека, не дает ему обрести самостоятельность. Чрезмерно свободно организованная оказывает слабое влияние, не может в полной мере подготовить к взрослой жизни. Адаптивность также не должна предполагать ни «закостенелости» семейных традиций, ни легкого отказа от идентичности: юношам и девушкам надо обрести умение владеть ситуацией, включаться в нее, не утрачивая при этом своего «я». Наконец, коммуникация в семье обеспечивает формирование необходимых навыков социальных взаимодействий, но при чрезмерном развитии может создавать замкнутый на себя организм, доходящий даже до выработки собственного языка. Подобная ситуация особенно возможна в семьях, замыкающихся в себе, с низким уровнем социальных связей, и центрированных на ребенка, когда взаимоотношения супругов оказываются второстепенными по сравнению с отношениями с детьми. Общение в семье должно научить юношей и девушек техникам общения, и для этого должно быть для них ценно, но не самоценно, потому что в последнем случае они окажутся растворенными в своем микросообществе, слабо готовыми выйти в большой мир.

Социальная работа с родительской семьей может осуществляться как организациями, специализирующимися на консультировании семьи, так и ориентированными на детей и юношество. Наряду с центрами семейного консультирования, в ней могут быть задействованы службы телефонов доверия, социальные педагоги, молодежные организации.

Принципы диагностики проблем исходят из представления об *оптимальной модели семьи*. Нельзя считать нормальной типичную, к сожалению, ситуацию, в которой отношения юношей и девушек в семье становятся предметом внимания социальных работников, когда конфликты выходят на поверхность. Вмешательство запаздывает, если поводом к нему служит уход из дома, случай сексуального насилия или избиения, употребление молодыми людьми наркотиков или участие в преступной группировке. С учетом крайней ограниченности ресурсов социальной сферы вообще, задачи диагностики по необходимости ложатся, прежде всего, на социальных педагогов. Школа в большей степени, сравнительно с любыми другими сервисами, имеет возможность анализировать микроклимат се-

⁶⁶ Barnes D. M., Olsen D. H. Parent-adolescent communication and the circumflex model // Child Development. 1985. №56. P. 438-447.

мей, выявить на ранних стадиях отклонения от оптимальной модели. Экономными формами такой работы могут стать систематический анализ сочинений школьников, самоотчетов; проведение тестирования.

Полагая *социальных педагогов* лучшими агентами диагностики семейных проблем, не следует полностью вменять им и вмешательство. Рационально его организовать можно лишь посредством интеграции возможностей различных служб, с учетом профиля проблемы. Здесь возникает задача *координации*, которая может решаться различным образом, в зависимости от характера организационных решений молодежной политики в регионе.

3. 2. Молодая семья

Отделяясь от родительской семьи, большинство молодых людей создают свою собственную. В современной России эти два жизненных события не только совмещаются, но и часто меняют порядок: создаваемая новая семья интегрируется в одну из родительских (или, в том или ином сочетании, в обе). Тем не менее, в содержательном плане необходимо рассматривать создание собственной семьи именно как самостоятельный этап жизнедеятельности. Даже в тех случаях, когда молодые полностью зависят от родителей, с созданием собственной семьи они начинают претендовать на самостоятельное решение вопросов, связанных с ее существованием.

Принято выделять четыре компонента индивидуации, конфигурирующей переход к самостоятельности и созданию собственной семьи. Это эмоциональная, аттитюдная, функциональная и конфликтная независимость.

Эмоциональная независимость предполагает освобождение молодых людей от необходимости в социально-психологической поддержке со стороны родителей (тотальном одобрении, совете по поводу любой ситуации).

Аттитюдная независимость означает выработку собственных установок, основанных на формирующихся ценностях и убеждениях.

Функциональная независимость означает способность решать повседневные проблемы, как финансовые, так и организационные, связанные с социальными взаимодействиями, выполнением ролей.

Конфликтная независимость предполагает отсутствие у юношей и девушек ощущения внутренней рассогласованности, связанной с выходом из-под родительской опеки⁶⁷.

Очевидно, что развитие этих четырех типов независимости не может идти строго параллельно, в силу чего неизбежно возникновение рассогла-

⁶⁷ Hoffman J. Psychological separation of late adolescents from their parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. №31. P. 170-178.

сований, вызывающих кризисные ситуации. Чаще всего «запаздывает» становление функциональной независимости. В то же время аттитюдная независимость может опережать по темпам развития остальные типы. Во всех случаях очевидна потребность в психологическом консультировании.

Создание семьи предполагает формирование отношений, базирующихся на чувстве любви. Разумеется, содержательно, как сугубо индивидуальное, и во многом иррациональное, оно не может служить предметом научного анализа. Однако возможно построить типологии условий, в которых складываются те или иные формы интимных отношений между людьми.

Одной из наиболее принятых является теория, предложенная Робертом Стернбергом. В ней любовь конструируется тремя *базовыми компонентами*. Это интимность, страсть, обязательства. Интимность предполагает ощущение связи между людьми, общность интересов и занятий. Страсть модулирует сексуальное влечение, но не исчерпывается им, включая социализированные компоненты половой потребности. Обязательства возникают в момент принятия решения, имеющего темпоральные характеристики: человек может принять для себя, что любит, и может рассматривать это чувство как имеющее длительную перспективу.

Сочетания этих компонентов дают различные типы отношений: симпатию, страстную любовь, придуманную любовь, романтическую любовь, любовь-товарищество, слепую любовь, совершенную любовь⁶⁸. Пара может сразу сформировать одну из этих моделей отношений и сохранять его все время совместного бытия; чаще первоначально принятая модель затем сменяется другими, и союз пары проходит некую эволюцию.

Существует ряд теорий, претендующих на объяснение механизма выбора партнерами друг друга.

Теория комплементарности Р. Уинча основывается на тезисе о восполнении партнерами друг друга: каждый ведет поиск человека, наделенного качествами, которых не хватает ему самому.

Инструментальная теория Р. Сентерса объясняет браки и сожительства как союзы, основанные на механизме удовлетворения потребностей их участников. При этом может быть выстроена иерархия потребностей, естественно, различная для разных людей.

Стимульно-ценностно-ролевая теория Б. Мурштейна описывает динамическую модель подбора партнеров. На первой стадии, стимульной, оцениваются, главным образом, внешность, способности, умение держаться в обществе. На второй стадии, сравнения ценностей, в беседах выясняется соотношение установок, потребностей, взглядов. На последней, ролевой, происходит согласование ролей в будущем союзе.

Динамическую теорию предложил и Б. Адамс, описавший процесс сближения как начинающийся с взаимной оценки внешней привлекательности, общительности, уравновешенности, общности интересов. Затем отношения укрепляются посредством общественной санкции, получения статуса пары в глазах окружающих. Потом начинается взаимное изучение ценностей, взглядов; формируются обязательства.

Системную теорию разработал МакГоулдрик. Образование пары представляет собой формирование новой структуры. Решающее значение в нем имеет переопределение границ. Пара переопределяет отношения с окружающими и между собой. Неформальные процедуры в случае заключения брака, подкрепляются формальными.

⁶⁸ Sternberg R. A triangular of love // Psychological Review. 1986. № 93. P. 119-135.

Раннее материнство и отцовство следует считать серьезной общественной проблемой. Юноши и девушки, оказывавшиеся в положении родителей, не только нуждаются в государственной поддержке, но и пропускают важнейший период в собственном развитии. В результате не только на несколько лет, пока подрастет ребенок, но и в дальнейшем их самостоятельность оказывается под вопросом. Для них намного сложнее приобрести образование, конкурентоспособную специальность, квалифицированную, хорошо оплачиваемую работу. Возникающие в связи с этим, а также из-за неготовности к взрослым ролям, конфликты чаще всего разрушают молодую семью.

По американским данным (вполне согласующимся с наблюдениями социальных работников в России), раннее вступление в брак оказывается по своим негативным последствиям значительно превосходящим подростковую беременность. В последнем случае родительская семья, как правило, берет на себя большинство проблем, девушке удается с наименьшими потерями преодолеть сложившуюся ситуацию, а последующее замужество оказывается более успешным, нежели ранний вынужденный брак. Таким образом, как ни парадоксально, в принятом традиционными культурами стандарте родительской расправы над юными Ромео и Джульеттами есть свои резоны.

Особенного внимания требуют дети ранних браков. Они страдают от неопытности отцов и матерей практически во всех сферах, от пренебрежения и жестокого обращения (вызванных той же неопытностью и стрессовыми ситуациями), от нищеты, от следствий супружеских конфликтов. Как правило, они отстают в когнитивном, а часто и физическом развитии. С позиций социальной работы эту категорию априорно следует рассматривать как группу риска.

Семей, в которых одному из супругов менее 30 лет, в России сегодня 57%; к возрасту 29 лет выходят замуж 75,1% женщин (в том числе 4,4% считает брачными не зарегистрированные отношения). Медианный возраст вступления в брак для женщин 20-24 года, мужчин – 25-29 лет; и то, и другое подпадает под определение молодежного возраста. В молодых семьях рождается 3/4 детей.

По данным совместного российско-германского исследования 1996 года (Петербург, Билефельд; обследовались студенты и школьники) первостепенную важность семьи для себя отметили по русской части выборки 75%, в то время как по немецкой - только половина⁶⁹. Семья, таким образом, остается в числе наиболее устойчивых традиционных ценностей.

Между тем, именно молодая семья в российском обществе дискриминируется. Эту практику нельзя считать следствием кризиса, ущемленность молодых пар в отношении обеспеченности жильем и вещами, доходов, предоставления услуг, была очевидной и в семидесятые – восьмидеся-

⁶⁹ Сибирцев В. А., Головин Н. А. Штрихи к портрету поколения 90-х годов // Социологические исследования. 1998. №3. С. 108.

тые годы. В 1996 году 54,2% молодых семей оценили свое положение как среднее, 23,3% как плохое, при этом улучшения ожидало лишь 1/10, ухудшения – 32,6%. Нуждается в жилье 4\5 семейных студентов. При этом положение несколько сглаживается материальной помощью родителей, на которую в той или иной степени опирается 3/4 молодых семей⁷⁰.

Материальная необеспеченность молодых супружеских пар резко контрастирует с их ожиданиями. По данным, приводимым В. С. Магуном, если в 1990 году молодые москвичи проектировали для средней семьи из 3,9 человек квартиру в 4,1-4,2 комнаты, то в 1995 году – 4,4-4,9. В провинции картина еще более выраженная: с 4 комнат до 5,3-5,5. В среднем за пять лет претензии вырастают на лишнюю комнату, причем, как отмечает В. С. Магун, основной сдвиг пришелся на период конца восьмидесятых годов, и делает вывод, что *референтным стало новое, западное пространство с более высокими стандартами уровня жизни*⁷¹.

Подлинный кризис семьи в России лишь начинается. При всех пороках прежней действительности, по данным опроса НИИКСИ СПбГУ в 1995 году в Петербурге и области (выборка 1,5 тысяч учащихся), 2/3 полагаю семьи, в которых выросли, благополучными⁷². Иллюзия благополучия создавалась относительной совместимостью ограниченности возможностей и скромности притязаний. На рубеже нового тысячелетия Россия вступает в совершенно иную ситуацию.

Нестабильность моделей брачных ожиданий, их переходный характер, неадекватный как патриархальному типу, так и альтернативным ему, наиболее очевидно проявляется в ситуациях выхода на международный рынок брачных предложений. Достоянием российской общественности при этом становятся лишь скандальные, выигрышные для журналистики или пропаганды, случаи, типа эпизода с удочерением ребенка русской актрисы во Франции. Между тем, зарубежные организации, причастные к защите прав личности, поддержке семьи, прежде всего, американские, выражают обеспокоенность неадекватностью реагирования выходцев из России на складывающиеся в брачных отношениях проблемы. В ряде случаев уровень этой неготовности таков, что провоцирует криминогенные ситуации⁷³.

Брак вовсе не является единственной возможной формой союза двух людей. По данным Statistical Abstracts of the United States (1994), за период

⁷⁰ Молодежная политика. Информационный бюллетень/ Под ред. Б.А.Ручкина. №129-130. М., 1997. С. 21, 31-33.

⁷¹ Магун В.С. Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи. 1985-1995 годы // Социологический журнал. 1996. №3\4. С. 34, 36, 38.

⁷² См.: Социология молодежи/ Под ред. В. Т. Лисовского. СПб, 1996. С.267.

⁷³ Fields-Meyer Th., Raether K. Broken Vows // People. 2001. September, 3. P. 107-111 (в статье анализируется случай убийства русской девушки, вышедшей замуж «по объявлению» за гражданина США, в контексте проблем кросс-культурных взаимодействий).

1970-1993 годов общее число сожительствующих, не вступая в брак, пар выросло в 6 раз, составив более 3,5 миллионов. При этом особенно интенсивно шел этот рост среди молодежи: в 14 раз; на 1993 год сожительствующих пар в возрасте до 25 лет было более 700 тысяч. Около миллиона сожительствующих пар имели детей. В брак вступали лишь порядка одной трети; случаи длительного сожительства редки.

По данным П. Блюмштейна и П. Шварца, при наличии гомосексуальных пар, проживавших совместно более десяти лет, не удалось обнаружить гетеросексуальных пар с таким же стажем⁷⁴. Такое положение вещей вполне объяснимо. Не будучи связаны брачными узами, люди в меньшей степени склонны жертвовать своими привычками, убеждениями, вкусами ради сохранения отношений. В пользу такого объяснения говорит и стремительный рост числа людей, остающихся одиночками. В США в 50-е годы таковых, по брачным возрастам, было лишь 4 %, а к середине 90-х годов среди лиц старше 18 лет было 22,6 % никогда не состоявших в браке.

В научной литературе, начиная с 80-х годов, проявляется настороженность в отношении этого явления. Высказывается озабоченность возможным влиянием установки на максимальную свободу выбора, индивидуализма, в отношении связи поколений. Баланс между свободой и обязательствами, самодостаточностью и взаимозависимостью явно смещается в пользу автономности личности.

Этими соображениями конфигурируется и содержание социальной работы в отношении молодой семьи. Безусловно, не имеет перспективы ориентация на работу с последствиями, при сохранении действия причин. Пытаться поддерживать семью, разрушаемую отсутствием толерантности, элементарным неумением жить вместе, бессмысленно.

Недобросовестными являются встречающиеся в публицистике сетования на утрату идеалов прошлого. Конечно, в условиях затрудненности расторжения брака люди вынуждены были сохранять отношения, и, зачастую, это могло приводить их к действенным компромиссам. Но, во-первых, эти компромиссы очень часто дополнялись практиками супружеских измен; характерно, что именно общества с жесткой фиксацией брачных уз оказывались наиболее подвержены двойной морали, допускавшей негласное, а иногда и гласное, нарушение супружеской верности.

Во-вторых, публицисты, сетующие на утрату «нравов предков», предпочитают умалчивать, что те были иными людьми и в других отношениях. Люди традиционного и раннеиндустриального общества удерживали брачные отношения (и принимали стандарт брачности, отказываясь от холостой жизни), не потому, что обладали большей силой воли, а потому, что такое поведение соответствовало их системе ценностей. Мужчины заводили интрижки на стороне, но не расторгали брак, женщины терпели «по-

⁷⁴ Blumstein P., Schwartz P. American couples. New York. Morrow publ. 1983. К сожалению, для России соответствующих *достоверных* данных, как и по ряду других позиций, не существует.

стылых» мужей оттого, что так были воспитаны; это результат не специальных установок в области исключительно брачного поведения, но общих жизненных стандартов. Утопично было бы переносить эти стандарты в современность.

Концепция социальной работы с молодой семьей должна исходить из понимания брака как сознательного, серьезного жизненного акта. Брак может быть прочным и эффективным только при условии готовности к нему партнеров.

Разумные установки на осуществление соответствующей работы в школе реализовались не совсем адекватно: введенный учебный курс, скорее, ориентирован на подготовку к сексуальной жизни, нежели полноценным, многоаспектным отношениям. «Взрослый» мир капитулировал перед юношеской гиперсексуальностью, приняв ее как аксиому.

Между тем, представления подростков об отношениях полов формируются в условиях, когда вполне возможны внешние корректирующие воздействия. Важна лишь ориентация этих воздействий не на бесперспективное морализаторство, а на превенцию установок, которые будут иметь негативные последствия. Юноши и девушки вырабатывают свой идеал партнера, идеал отношений; именно на эти идеалы и надо стремиться влиять, используя адекватные возрасту приемы. Если социальным педагогам удастся заставить подростков поверить, что «кидаться на прикид», быть как все – «не стильно», а стильно, наоборот, иметь самоуважение, знать себе цену, строить отношения, в которых оба партнера ценят друг в друге личность – вполне могут сложиться новые стандарты поведения. Сексуальная революция отступила на Западе не перед пуританской моралью, а именно перед эгоизмом; в свою очередь, эгоизм может быть ограничен не проповедями коллективистской морали, а обращением к критическому началу личности.

3. 3. Внебрачные сексуальные отношения

Существенные проблемы взросления связаны с формированием половой идентичности.

В промышленных странах до середины 60-х годов XX столетия добрачная половая жизнь официально осуждалась (и молодежь в массовых опросах, как правило, репродуцировала ожидаемое, общественно одобряемое мнение). В то же время действовали двойные стандарты, неявно одобрявшие для юношей поведение более распущенное и в целом проводившие резкую грань между сексуальными практиками и прокламированием соответствующих мнений.

Сексуальная революция, прежде всего, устранила пуританское толкование секса вообще как греха. С точки зрения нового поколения, секс сам по себе не хорош и не плох, важен характер отношений между партнерами. Заметим, что эта позиция стала доминирующей и в советском обществе, где, разумеется, само понятие сексуальной революции было вне закона.

Опросы конца 60-х годов в США и Западной Европе показывали, что более 70 % молодежи полагало вступление в брак не обязательным для совместной жизни. К концу 70-х в США таких взглядов придерживалось более 80 % юношей и почти 65 % девушек. При этом дело не расходилось со словом: в США доля 16-летних девушек, потерявших девственность, возросла с 7 % в 40-е годы, до 33 % в начале 70-х, и 44 % в начале 80-х годов.

По данным опросов в европейских странах, средний возраст начала сексуальной жизни у женщин с 50-х годов к 90-м снизился на 2 года (в Англии – на 3,5 года), и составил 16,4 года (у мужчин – 16,9 лет). Омоложение секса признается обществом. Если в начале 70-х годов в Финляндии сексуальную связь между подростками считали приемлемой 38 % взрослых мужчин и 14 % женщин, то в начале 90-х годов – 80 % мужчин и 71 % женщин.

Европейский стандарт в этом плане значительно мягче американского, но наблюдается тенденция к их выравниванию. Она поддерживается интенсивным воздействием на общественное мнение позиции исследователей, доказывающих, что перmissive подход позволяет избежать наиболее негативных последствий акселерации, связанный с формированием моделей девиантного поведения. Что касается содержания установок молодежи в сексуальной сфере, оно существенно изменяется по сравнению с типичным для эпохи сексуальной революции: отношения молодежи становятся более моногамными и серийными, то есть налицо укрепление избирательности на фоне закрепившегося ослабления моральных запретов. Доминирующей становится коммуникативная модель отношений. При этом именно в наиболее перmissive странах она доминирует: если во Франции в середине 90-х годов 15,4 % девушек отмечали наличие элементов принуждения в своем сексуальном дебюте, то в Норвегии – только 2,7 %. К сожалению, в отношении России пока рано ставить вопрос даже о полноценном анализе аналогичных ситуаций.

Разумеется, в СССР официальные моральные установки оставались несравненно жестче, но подспудно формировались аналогичные тенденции, вызванные, разумеется, не разлагающим воздействием Запада, а закономерностями развития индустриального общества. Однако, латентность сексуальной революции в России имеет следствием и невыраженность характерной для Запада сегодня сексуальной контрреволюции. И если в США и Европе в 90-е годы большинство юношей и девушек осуждали сексуальные установки 60-х годов, в России подобный поворот к традиционному морализму отнюдь не столь очевиден.

Подростковая проституция является для нас серьезной проблемой, которую нельзя игнорировать. Для ее решения необходимы ресурсы, обеспечиваемые взаимодействием организаций, осуществляющих молодежную политику, как с органами МВД, так и со школами и медицинскими учреждениями (следует учитывать и то, что в США, например, венерическими заболеваниями страдает каждый седьмой teenager; в России, к сожалению, соответствующей статистике нельзя в полной мере доверять).

В отличие от большинства европейских стран, в США, с 80-х годов, высока доля беременностей в подростковом и юношеском возрасте. Это случается с более, чем миллионом юных девушек ежегодно, причем 65 % из них не замужем. Рождает лишь половина (40 % аборт, 10 % выкидышей).

По мнению экспертов, этот процесс маркирует общий рост терпимости общества в отношении практик рождения детей в юном возрасте и вне брака. Если прежде забеременевших девочек исключали из школ (как и в СССР), то теперь для них разрабатываются специальные программы, позволяющие завершить образование. Выросла готовность семей помогать юным матерям (как и юным отцам). Наконец, проявляется стремление части девушек именно посредством рождения ребенка перешагнуть границу взрослой жизни, приобрести статус самостоятельного, независимого человека (аналогичные тенденции фиксируются и в Великобритании правительственными экспертами, озабоченными, впрочем, главным образом экономией государственных пособий для одиноких матерей).

Последнее обстоятельство не может не вызывать беспокойности. Вместо ориентации на реализацию личностного потенциала, молодые люди избирают наиболее элементарный путь «взросления», обретения желаемого статуса. Естественно, при этом они не приобретают подлинной самостоятельности, но, напротив, оказываются в максимальной зависимости от поддержки родственников, или правительственных программ помощи одиноким юным родителям. Раннее материнство и отцовство создает ситуацию, когда ребенок вряд ли может рассчитывать на полноценное воспитание.

Практики раннего материнства и отцовства слабо дифференцируют сознательный выбор (как мы показали выше, не имеющий под собой серьезных рациональных оснований) и обычный подростковый инфантилизм. Как минимум, 30 % сексуально активных подростков не пользуются противозачаточными средствами в силу невежества, неготовности принять на себя ответственность за последствия сексуального поведения, пассивного восприятия реальности.

Очевидна и ролевая дисфункция: юноши ждут от партнерши поведения, включающего установление границ сексуальных отношений, отводя себе роль агрессора, но, в то же время, полагают для нее естественным и страстное поведение, исключающее предосторожности – а девушки принимают эти ожидания. В результате оказывается, что границы устанавливает некому.

В связи с этим не могут не вызывать беспокойства настойчивые инициативы пуритански настроенной части российской общественности относительно исключения из школьных программ курсов по половому воспитанию. По американским данным, посещение таких занятий реально позитивно влияет на культуру сексуального поведения, снижая уровень нежелательных беременностей и венерических заболеваний.

Ряд вопросов ставится и практиками формирования половой идентичности. С одной стороны, нельзя отрицать правоту феминистской критики, указывающей на принудительное закрепление стереотипов гендерного неравенства. С другой, нужно иметь в виду, что разрушение стереотипов может иметь следствием и аномию. Ликвидация неравенства должна основываться на позитивной стратегии формирования взаимного уважения и понимания, а не на попытках преодолеть неадекватные ролевые отношения, не меняя стоящих за ними стереотипов.

Еще по данным совместного российско-германского исследования 1990 года (1492 школьников старших классов на территории бывшего СССР), положительно ответили на вопрос, существует ли любовь, 84%. Сами пережили это чувство, по их утверждению, 33% опрошенных (40% девушек и 32% юношей)⁷⁵.

В исследовании 1998 года (проводилось в Саратовской области) любовь в рейтинге жизненных смыслов занимает четвертое место, после самореализации, дружбы, уважения других людей. Но содержание, вкладываемое значительной частью молодого поколения в это понятие, существенно отличается от вкладываемого старшими поколениями.

Материал для обсуждения:

По данным опроса студентов Центром проблем народонаселения экономического факультета МГУ, длительность физической близости в среднем у 45% опрошенных составляла меньше пяти минут, в том числе у 6% меньше одной минуты, и только у 1% более двадцати минут⁷⁶. С позиций представлений о любовных отношениях, сформированных в системе культурных ценностей и норм старшего поколения, это не близость в пространстве телесности, а символическая интеракция, поскольку длительность контакта просто недостаточна для установления партнерских отношений. Естественно, «взрослые» стандарты не могут автоматически распространяться на новые поколения (иначе не было бы изменений, в конечном счете, развития). Необходимо подойти к проблеме не с оценочных позиций, а ориентируясь на выявление поведенческих результатов рассматриваемых установок. Снижение «самоценности» сексуальных отношений связано и со стремительным расширением содержания молодежной культуры. Однако, в этом закономерном процессе некоторую настороженность может вызывать легкость смены партнеров. Дистанцированное от социокультурных контекстов восприятие секса демонстрирует опрос Юнпресс среди 10-15-летних школьников, ни один из которых не присоединился к мнению, что вступать в сексуальные отношения следует лишь после вступления в брак. Опыт просмотра эротических фильмов, по данным этого опроса, имели 86% респондентов⁷⁷. Однако, речь по существу идет не об эротике, способной научить вниманию к партнеру, культуре физической близости, а о грубой порнографии. «Секс под кино» является крайним выражением отчужденности телесного контакта; реальная физическая близость при этом лишается социокультурного смысла, сводясь к чисто физиологическому аспекту.

Согласны ли Вы с приведенными здесь суждениями? Почему? Сформулируйте свое собственное понимание этих проблем и аргументируйте его.

Российское общество конца девяностых годов вообще не богато культурой чувствования, умения понять другого, но особенно глубоко различие в восприятиях противоположного пола. Это отчетливо видно по структуре читательских интересов и кинопредпочтений. «Серьезные», психологические фильмы и книги представлены достаточно скромно, юношеская часть молодежи ориентирована в большей степени на триллер, женская - на мелодраму.

⁷⁵ См.: Социология молодежи/ Под ред. В. Т. Лисовского. СПб., 1996. С. 223.

⁷⁶ Молодежная политика. Информационный бюллетень. Под ред. Б. А. Ручкина. №129-130. М., 1997. С. 3

⁷⁷ там же. С. 4.

Феминизацией такого рода предпочтений заложен очевидный ролевой конфликт. В обществах с низким уровнем экономического и культурного потенциала мужчине отводится роль активно-деятельная, женщине – локализованная в коммуникативном пространстве. Женщина «психологичнее» оттого, что зависима, несамостоятельна. Мужчине нет нужды вникать в духовные проблемы партнерши, поскольку он ее содержит и защищает.

Такая ролевая структура ущербна в трех отношениях. Во-первых, она деформирует культуру социума в целом посредством неоправданной маскулинизации и феминизации ее форм. Достаточно указать на сохранение в российском обществе мужских и женских профессий. Во-вторых, фиксация такого типа дополнительности полов деформирует отношения между ними, дегуманизирует секс, а через него и культуру в целом. Именно отсюда происходит грубость современной порнографии.

Показательную культурно-историческую параллель дают артефакты Хейанской эпохи в Японии, пример которой демонстрирует, как вещное положение женщины сказывается на постепенном огрублении культуры, нисходящей от высоких образцов к формам, санкционирующим варваризацию социальных отношений.

В-третьих, неравновесная структура семьи является коренной посылкой напряженностей, свойственных европейской цивилизации в целом, что в достаточной степени обосновано психоаналитической традицией, начиная с З. Фрейда.

Показательный сравнительный материал для характеристики процессов развития личности на этапе перехода от детства к юности дает сопоставление двух феноменов художественной культуры девяностых годов XX столетия: телесериалов «Твин Пикс» Д. Линча, с примыкающим мифо-литературным циклом, и «Ночь нежна» режиссера Р. Найтса по роману Ф. С. Фитцджералда⁷⁸. Оба они органично включены в контекст эволюции социальной рефлексии нашей эпохи.

Главный герой созданного Д. Линчем сериала, Дэйл Купер, как он предстает нам по литературной реконструкции дневника, являет типичный пример развития по модели идентификации со стереотипом значимого взрослого. Его отношение к миру выражено активное; просматривается стремление к опредмечиванию отношений во всех

⁷⁸ В социальных науках достаточно принятыми стали суждения о недостаточной корректности «литературных примеров». Нам представляется, что степень распространенности выводов, осуществленных на основании анализа феноменов художественной культуры, оценивается не в полной мере адекватно. По тонкому замечанию Ж. Кокто, зрителям лишь кажется, что они **познают**, на самом деле, они **узнают**. Произведение искусства потому получает интерес публики, что демонстрирует образы, бытующие «у всех на слуху». Подлинно авангардные живопись, литература, кино никогда не имеют широкой аудитории. Поэтому, анализируя популярную книгу или фильм, мы анализируем не частные мнения автора, а принятые десятками тысяч, когда речь идет о бестселлере, сотнями тысяч, людей. Естественно, такие мнения вовсе не обязательно являются истинными, но они типичны, и столь же репрезентативны, сколь и данные, полученные посредством массового анкетного опроса.

жизненных пространствах, включая этическое.⁷⁹ Действия «специального агента» спонтанны, определяются либо усвоенными стандартами, либо мистическим опытом. Как детектив он последовательно антиинтеллектуален, что в специфическом мире, созданном Д. Линчем, оказывается высоко продуктивно, поскольку сам мир этот иррационален. Однако, при этом нельзя сказать, что Купер руководствуется интуицией; скорее, развитие рационального начала в нем столь ограничено, что ирреальный мир воспринимается им просто как часть реального. С той же легкостью, с какой он продуцирует по аналогии образ Лоры Палмер, он принимает рекомендации, идущие от чуждых реальному миру персонажей. Характером героя диктуется логика сюжета, и в концовке сериала Дэйл Купер восходит от идентификации к самоидентификации, обращается к осмыслению норм и постулатов, ранее толковавшихся просто как поведенческие стимулы.

Заметим, что сходную эволюцию, хотя с иных «исходных позиций», проходит другой герой, Бен Хорн, вначале тоже «человек действия», чуждый рефлексии, затем проходящий глубочайший кризис идентификации и обращающийся к нравственно-религиозному опыту человечества.

Сопоставление процессов развития личности Лоры Палмер и Николь Дайвер (Уоррен) также приводит к показательным выводам. Исходная посылка в обоих случаях идентична: пережитый в детстве опыт сексуальной перверсии порождает тяжелые проблемы процесса самоидентификации. Но в случае с Николь мы имеем дело с «фрейдистским прочтением ситуации», характерным, опять-таки, не для Ф. С. Фитцджеральда или авторов фильма только, но для определенной системы ожиданий, которой и удовлетворили, каждый в свое время, роман и фильм.

Ситуация детства здесь прочитана взрослым человеком; психодинамическая теория вообще, при всем очевидном внимании к детскому возрасту, на деле адресована исключительно взрослым членам общества, детский опыт которых изучается через призму «взрослого» восприятия, как прошлый опыт. Отсюда и «взрослое» осознание Николь опыта своих сексуальных отношений с отцом, именно как разрушающих миф об идеальных отношениях с мужчиной. Совершенно иначе аналогичная, по факту, ситуация воспринимается Лорой Палмер. В ее случае ранний сексуальный опыт пробуждает удивление перед собственной телесностью, служащее, в дальнейшем, предпосылкой к раздвоению и собственной личности, и личности отца.

Однако, процесс взросления все же идет, и приводит Лору к опыту иных, не оперированных, отношений с людьми, а, в дальнейшем, к оперированию понятиями, нормами, отражающими опыт духовных практик. Заметим, что такой эволюции благоприятствует среда, в которой негативными факторами являются лишь душевная ущербность родителей и обычная подростковая грубость, на фоне в целом благополучных житейских обстоятельств; живи Лора в трущобах лондонского Ист-Энда в начале XX столетия, скорее всего, ее ожидало бы превращение в бездуховное, замкнутое в кругу непосредственных потребностей, существо.

Приведенный пример показывает наличие в общественном восприятии предпосылок к осознанию решающей роли, на ранних стадиях социализации, механизма перехода от непосредственного отношения к миру к

⁷⁹ «...я осознал, что мои попытки постичь природу зла были своего рода суррогатом: они подменяли собой активную борьбу со злом».(Фрост С. Воспоминания специального агента ФБР Дэйла Купера // Твин Пикс. М., Ростов-н/Д., 1993. С. 361-362). Особый смысл этому фрагменту придает очевидная параллель с высказыванием Л. Н. Толстого в «Исповеди».

оперированию идеальными объектами и отношениями. На первостепенную значимость в этом механизме формирования пространственных отношений указывает Э. Эриксон.

В ходе эксперимента в Калифорнийском педагогическом центре, участниками которого были дети 10-12 лет, выявились тенденции конструирования девочками замкнутых, статичных пространств, а мальчиками открытых, динамических, иногда с выраженными стохастическими тенденциями. Фиксируясь на соматической интерпретации доказанного экспериментом наличия двух принципов организации пространства, Э. Эриксон указывает, что нельзя исключать из рассмотрения и социальную интерпретацию⁸⁰. По нашему мнению, главным в такой интерпретации будет подчеркивание социокультурной обусловленности направленности и динамики перехода от доминирования предметно – деятельностного отношения к миру к превалированию оперирования идеальными сущностями, локализованного в жизненных пространствах.

Отвлечение от социокультурных смыслов представления молодого поколения о любви оказывается одним из факторов кризиса семьи.

Пермиссивные стратегии, ориентированные на терпимость в отношении молодежных моделей поведения, в значительной мере сопряжены с развитием системы сексуального просвещения. Ни в одной из цивилизованных стран родительская семья не выступает в роли основного агента. Однако, в последние 2-3 года в России, под давлением, не в последнюю очередь, клерикальных кругов, ведется активная пропаганда против присутствия в школьных программах курса основ сексологии. А данном случае мы сталкиваемся с классическим примером попытки решения социальной проблемы с позиций абстрактного морализаторства. Разумеется, было бы прекрасно жить в обществе высокой духовности, организованном на началах взаимного уважения; однако игнорирование реальных условий не является эффективным путем к такому идеалу. Решения в области социальной политики должны приниматься на основе всесторонней научной экспертизы, а не соображений общего порядка.

Краткое содержание

1. Отношения юношей и девушек в родительских семьях существенным образом определяют характер процессов социализации. При этом от характера социально-экономических процессов в данном обществе зависит не только, насколько быстрым будет процесс отделения молодежи от родительской семьи, но и в какой степени будет ему присуща напряженность, конфликтность.

⁸⁰ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 283-287.

2. Наибольшая острота конфликтам в родительской семье свойственна для возрастного периода 14-18 лет. При этом конфликты мало «идеологизированы», носят преимущественно бытовой характер.

3. Отношения родителей и детей имеют отчетливую *гендерную специфику*. Отцы, как правило, склонны выше оценивать интеллектуальный потенциал детей, но оценка эта более априорна, поскольку плотность общения детей с отцами существенно ниже, нежели с матерями. Значима и разница «профилирования» отношений: матери вынуждены больше заниматься выяснением с детьми содержания их домашних обязанностей, контролем учебы, поддержанием дисциплины.

4. Принято выделять три *стиля родительского поведения*: авторитарный, либеральный, авторитетный. Наиболее эффективен, с точки зрения теории, последний, однако практики демонстрируют достаточно сложную картину воздействий родительского стиля на процессы социализации.

5. Принято выделять три *функции семьи*, имеющие выраженный воспитательный эффект: интеграция, адаптивность, коммуникация.

6. Социальная работа с родительской семьей может осуществляться организациями, как специализирующимися на консультировании семьи, так и ориентированными на детей и юношество.

7. Принято выделять четыре компонента индивидуации, определяющей переход к самостоятельности и созданию собственной семьи. Это *эмоциональная, аттитюдная, функциональная и конфликтная независимость*. Развитие этих четырех типов независимости не может идти строго параллельно, в силу чего неизбежно возникновение раскогласований, вызывающих кризисные ситуации.

8. *Раннее материнство и отцовство* следует считать серьезной общественной проблемой. Юноши и девушки пропускают важнейший период в собственном развитии, их самостоятельность оказывается под вопросом. Для них намного сложнее приобрести образование, конкурентоспособную специальность, квалифицированную, хорошо оплачиваемую работу. Возникающие в связи с этим, а также из-за неготовности к взрослым ролям, конфликты, чаще всего разрушают молодую семью.

9. Молодая семья в российском обществе дискриминируется. Этим осложняются процессы социализации, в качестве группы риска оказывается необходимым рассматривать детей в этих семьях.

10. Концепция социальной работы с молодой семьей должна исходить из понимания брака как сознательного, серьезного жизненного акта. Важна ориентация этих воздействий не на бесперспективное морализаторство, а на превенцию установок, которые будут иметь негативные последствия.

11. В последней трети XX столетия в России имели место процессы размывания традиционной морали. Общество становилось терпимее к

небрачным половым связям, гомосексуализму, однако сохраняя «двойные стандарты». Россию пока в малой степени затронул «ренессанс» семейных ценностей, свойственный странам Европы и США.

Ключевые понятия:

- Гендерная идентичность
- Исключенный родитель
- Пермиссивный подход
- Проституция
- Родительская семья
- Стили родительского поведения
- Функции семьи
- эмоциональная, аттитюдная, функциональная, конфликтная независимость

Вопросы и задания:

- Как социально-экономические факторы влияют на статус молодежи в семье?
- Какое воздействие оказывают сложившиеся в предшествующие десятилетия традиции на современное отношение российского общества к роли молодежи в семье?
- Чем различается статус молодежи в родительской семье в США и России, и почему?
- Охарактеризуйте гендерную специфику отношений молодежи в родительской семье.
- Оцените типизацию стилей родительского поведения Д. Боумринд. Подтверждается ли она примерами, которые дают Ваши наблюдения?
- Проанализируйте влияние на механизмы социализации семейных конфликтов.
- Охарактеризуйте основные социализирующие функции семьи.
- Попытайтесь проанализировать, на известных Вам по личному наблюдению примерах, механизм выделения молодой семьи из родительских. С какими трудностями сопряжен этот процесс?
- Опишите четыре компонента индивидуации по Дж. Хофману.
- Попытайтесь дать критический анализ модели любовных отношений по Р. Стернбергу. Приходилось ли Вам наблюдать типы отношений, описываемых этой моделью?
- Сопоставьте основные теории выбора партнеров в любовных отношениях. Какая из них кажется Вам наиболее обоснованной?

- Изложите Ваш взгляд на перспективы семьи в современном обществе.
- Перечислите основные задачи социальной работы с молодой семьей.
- С чем связаны изменения в оценке общественным мнением различных практик сексуальности?
- С воздействиями каких факторов связано явление раннего материнства?
- Какие социальные проблемы ставит перед людьми 16-18 лет рождение ребенка?
- Определите свое отношение к феминистской критике практик гендерной социализации.
- Сформулируйте свое мнение относительно тенденций развития практик сексуальных отношений среди молодежи.
- Попытайтесь дать социокультурный анализ сексуальных отношений в молодежной среде.
- Охарактеризуйте механизмы воспроизводства гендерного неравенства в сфере сексуальных отношений.
- Как влияют практики сексуальных отношений в молодежной среде на кризис семьи?

Литература

1. Антонов А. В. Демографическое будущее России: депопуляция навсегда? // Социологические исследования. 1999. № 3.
2. Бандура А., Уолтерс Р. Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания и семейных отношений. М., 2000.
3. Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. №3-4. С. 99-108.
4. Гурко Т. А. Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 81-89.
5. Дармодехин С. В. Государственная семейная политика: проблемы научной разработки. М., 1995.
6. Елизаров В. В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики // Социологические исследования. 1998. № 2.
7. Иванов Е. И., Митеева А. Р. Внебрачное материнство в России // Социологические исследования. 1999. № 11.
8. Кон И. С. Не говорите потом, что вы этого не знали. Подростки и сексуальная контрреволюция // Планирование семьи. 1998. № 2.
9. Кризис семьи и депопуляция в России. Круглый стол // Социологические исследования. 1999. № 6.

10. Назарова И. Б. О здоровье населения в современной России // Социологические исследования. 1998. № 11.
11. Нужно ли бояться эротики? // Планирование семьи. 1998. № 3.
12. Силласте Г. Г. Женщина как объект и субъект социальной безопасности // Социологические исследования. 1998. № 2.
13. Четвериков В. Здоровье подростков как показатель развития общества и эффективности молодежной политики // Социологические исследования. 1998. № 1.